

Они сражались за Родину!

★ Даниил КАЛИНИН ★

ВЫБОР ЧЕСТИ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Художник Игорь Варавин

Калинин, Даниил Сергеевич.

К17 Выбор чести / Даниил Калинин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 320 с. — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину).

ISBN 978-5-04-091043-4

Потомок белых эмигрантов Никита Мещеряков возвращается на Родину в рядах полка «Бранденбург-800». Большевиков он ненавидит больше, чем немцев. — они отняли его дом, лишили семьи и счастливого детства. Он готов мстить.

Только кому? Кто его враг? Советский народ? Женщины, старики, дети? Воины, исполняющие свой долг? Или фашисты, пришедшие завоевать его страну?

Обманутый разум молчит, зато сердце говорит правду. Никита сделает выбор чести.

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-091043-4

© Калинин Д.С., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

...Холодный, промоз-
глый воздух заставляет зябко передернуть плечами
и плотнее подогнать форму. Ощущения премерз-
кие, легкий летний комплект совершенно не греет;
сырость и ветер пронизывают тело до костей.

Утренний туман недавно рассеялся, открыв
взгляду тяжелые, свинцовые тучи, нависшие буд-
то над головой. Вот-вот пойдет дождь, который
выбьет из тела остатки тепла. Хочется в сердцах
выругаться, помянув и бездарное командование,
и проклятый холод, совершенно не типичный для
летней Франции. Вот только ребята чуть ли не мо-
лятся капризам природы. Ибо в такую погоду нам
не ждать воздушной штурмовки...

За лесом шумят моторы. Это моторы немец-
ких танков, и звук их работы обещает нам скорую
схватку. Страшную и смертельно опасную. Так что
тревога, не сходящая с лиц солдат, имеет под со-
бой веские основания.

Вокруг меня собрался расчет: заряжающий
и два подносчика снарядов. Все трое молодые пар-
ни, один бретонец, два гасконца. Когда я отбирал
бойцов, происхождение из Гасконии стало опре-

деляющим фактором: по ту сторону Пиренеев их родственники показали себя отличными бойцами. Бретонец же, чья родная земля теперь находится под немцами, настроен драться до конца: для него эта война стала уже очень личной.

Но ни врожденная отвага, ни мужество не могут победить страх первого боя. Он написан на лицах бойцов, он читается в глазах. Но слава богу, в своих ребятах я не нахожу того ужаса, который парализует солдата, который ломает его волю и лишает мужества. И это очень важно. А страх? Что страх, только дурак первого боя не боится.

Форма новоиспеченных артиллеристов изгажена глиной и землей, пропахла крепким мужским потом. Мои бойцы не подшиты и не бриты, и в другое время я получил бы жестокий разнос от начальства за такой вид подчиненных. Но как бы я хотел, чтобы сегодня был именно *тот* день, когда я, красный как рак, слушал бы крики старшего офицера... Полночи мы готовили позиции и маскировались, пару часов сна удалось урвать уже на рассвете. Так что неряшливый внешний вид простителен и бойцам, и их командиру.

...Это уже было когда-то. Тяжелая ночь, наполненная земляными работами, краткий миг сна на рассвете... и первый бой. Тогда я выжил, а что нас ждет сегодня?

...Шум моторов приближается. Сложно передать словами, но будто судорога проходит по линии солдат, укрытых окопами: все напряженно всматриваются вперед, на опушку, откуда должен появиться враг. И немцы не заставляют себя долго ждать.

ВЫБОР ЧЕСТИ

Вперед вырываются два легких чешских LT vz.35. Германцы для себя их переименовали, но я помню только старое название. Танки легкие, хотя посерьезней немецкой «единички», и недооценивать их не стоит: пушки и пулеметы новоиспеченных панцеров могут без проблем уничтожить батальон, лишенный артиллерийской поддержки. Правда, у моего она имеется: мой расчет и пара «сюрпризов», спешно подготовленных за ночь. Но сделав ставку на внезапность, подчиненным я приказал вести огонь только по сигналу. И «легкие» разведчики, а это именно разведчики, не являются той целью, ради которой стоит подать этот сигнал.

Наглости немцев стоит позавидовать: от души врезав по молчавшим окопам из пулеметов, экипажи с коротких остановок открыли частый пушечный огонь. Они бьют по деревянным макетам, сооружаемым силами целого батальона, тщательно замаскированным и расположенным в самых удачных для артиллерии местах. Фактически немцы вызывают огонь на себя, и будь на месте деревянных стволов стволы орудийные, фрицам мало бы не показалось. Но враг, очевидно, уверен, что французы блефуют, и бронетехнике особой угрозы нет. Видимо, уже сталкивались с подобной хитростью.

Земля в окопах содрогается от каждого взрыва, а воздух наполнился запахом пороховой гари. Пехотинцы тревожно переглядываются, слышатся испуганные возгласы. Этот бой первый практически для всех.

Мой расчет замаскирован отлично, так что, я думаю, сейчас обойдемся без боя. Но на всякий пожарный я веду противника через оптический прицел «окопного» орудия.

Неожиданно что-то цепляет взгляд. Чуть повея стволom орудия (так, чтобы его движение не было заметно), я направляю прицел на опушку леса.

Да, так и есть. Через оптику четко различается приземистый силуэт командирской «единички». Вот ведь... Умеют немцы воевать, причем сколь дерзко, столь же и грамотно. Сейчас их командир определяет цель и тут же передает ее по радиосвязи, фиксирует попадания и отсутствие ответного огня. А будь что неладно, он успеет предупредить подчиненных, сам не вступая в бой.

...Иногда на войне одного взгляда достаточно, чтобы почувствовать врага. Я разглядел панцер командира разведки, а секунду спустя в нашу сторону круто развернулся один из «чехов». Совпадение? Или враги увидели, а скорее даже почувствовали друг друга одновременно?

В расчете я занял место заряжающего. И сейчас мне хватило буквально пары секунд, чтобы навести орудие на цель. Еще мгновение я колебался в надежде, что это совпадение. Нет, вторая коробочка тоже развернулась ко мне.

— Огонь!

Я опередил врага на долю секунды: мой снаряд ударил точно по корпусу, заглушив танк и сбив прицел немецкого наводчика. Ответный осколочно-фугасный ударил по траншее несколькими ме-

ВЫБОР ЧЕСТИ

трами левее. Послышались крики, но истошной боли покалеченных я в них не уловил.

Лобовая броня чешского танка 25 мм, расстояние между нами 500 метров. А бронебойный снаряд Mle1935 берет 18 мм на 400 метрах, так что мое попадание определяющим не стало. Зато второй танк, развернувшись к нам лбом, уже резко тормозит перед выстрелом...

В капонире натужно заревел мотор старенького «Рено» FT-17. Танк-ветеран, сражавшийся в великую войну, и сегодня был небесполезен. Я возлагал на него большие надежды в грядущем бою. Горячий командир машины, лейтенант Анри Пюто (тоже гасконец), изготовил его к бою без команды — но этим он спас мой расчет.

Я построил огневую схему наличной артиллерии так, чтобы враг, разворачиваясь лбом к одному из нас, подставлял борт другому. Так что «Рено» в капонире имел возможность вести убойный огонь по корме панцеров, что тут же оценил командир немецкой разведки. Так и не сделав выстрела, второй «чех» мгновенно развернулся к новой угрозе, и наспех сделанный Анри выстрел ушел в «молоко».

«Мой» панцер запустил двигатель, но огрызнуться снарядом у него не получилось: мой расчет действует быстрее (скорострельность 37-мм траншейного орудия Пюто достигает 29 выстрелов в минуту). На этот раз я зарядил по башне «чеха». Пробить броню я, конечно, не смог, но удар бронебойного снаряда наверняка оглушил расчет. Тем не менее машина продолжила пятиться назад.

В это время дуэль танков скоротечно и трагично завершилась: «чех» имел значительное преимущество и в оптике, и в скорострельности, и в бронепробиваемости. Он маневрировал, а машина Анри неподвижно торчала в капонире. Точнее, торчала башня, но, видимо, немецкий наводчик оказался настоящим снайпером: я четко услышал звук попадания в башню «Рено». Последний успел сделать выстрел, но бронебойная болванка лишь чиркнула по корпусу немца. Вот только панцер на этот раз оказался повернут ко мне бортом, и этот шанс я не упустил...

Первый снаряд ударил по ходовой. Две секунды — и следующая болванка таранит поворачивающуюся башню. В течение еще пяти секунд ровно два снаряда бьют по корпусу точно там, где находится топливный бак.

Я расстреливаю «чеха» как на учениях: дистанция 600 метров, его броня 16 мм. Значения предельные, но на них меня и натаскивали, и точность попаданий безупречна. Благо оптика орудия позволяет, а мой расчет работает как швейцарские часы. Как результат, буквально за десяток секунд немецкий панцер чешского происхождения (работающий на бензине) вспыхивает, словно коробка спичек. Танкист из наспех открытого люка успевает вылезти лишь наполовину, прежде чем столб пламени выбрасывает его покоренное тело...

По спине потянуло могильным холодом: отвлекшись на второй танк, я фактически погубил расчет — экипажу первого панцера времени было дано предостаточно. Правда, иначе я поступить

ВЫБОР ЧЕСТИ

все равно не мог: потеряв танк Анри, мы стали на треть слабее и против двух машин точно бы не справились. Тем более «чех» так удачно встал. Но вот теперь, лихорадочно наводя орудие на первую цель, я ждал неминуемого возмездия.

Военная удача любит смелых: неизвестно почему танкер продолжает молча пятиться задом. Ни орудийного выстрела, ни даже пулеметной стрельбы. И я рискнул, выстрелил по гусенице. Сгоряча промазал, но пара секунд, и вторая болванка находит цель. Немецкий механ в последний момент попробовал сманеврировать, но лишь упростил мою задачу. «Разутая» машина встала, и в прицел я увидел, как только один член экипажа покинул танкер.

...Два к одному, размен на деле отличный, если не вдумываться в то, что погиб товарищ, купивший наши жизни ценой собственной гибели. Но как бы то ни было, а подбив обоих «чехов», мы крепко сократили немецкую группу. Вряд ли один батальон будет атаковать больше чем два взвода танков, а значит, пятую (если не больше) часть их машин мы уже уничтожили. И кстати, неплохих машин, превосходящих самые многочисленные немецкие «двойки» и «единички».

Только вот на опушке по-прежнему остается командирский танкер. С позиции, которую я определил под свое орудие, до немца более километра. Тем более его закрывают деревья. А остался он для того, чтобы корректировать артиллерийский огонь: радиальные немецкие танки могут позволить себе вызывать и артподдержку, и даже авиационный налет.

Его надо если не подбить, так отогнать: пускай самое мощное мое орудие не вступало в бой и не раскрыло себя, без второй пушки мы много не навоюем. А позицию моего расчета необходимо поменять, чего при немце никак незаметно не сделаешь.

Решение приходит быстро. Под моим командованием остались еще два ротных (60 мм) миномета с расчетами. Против танков они подходят лишь как средство усиления: гусеницу там порвать или попасть точно по двигателю — но это уже совершенная удача. Однако они мобильны и скорострельны.

Подбегаю к расчетам. Минометчики споро подхватываются, и уже вместе мы двигаемся к левому фасу траншеи, откуда расстояние до опушки минимально. Быстрый бег с минометами дается нам нелегко, под конец мы дышим как загнанные лошади. Но ничего, зато немец сейчас запоет!

...Конечно, легкие ротные минометы фактически не опасны танкам. Вот только смотря что называть танком: Pz-I обладает броней, пробиваемой очередями даже ручных пулеметов (сам видел во время боев в Испании, у Эль Пингаррон).

Частая стрельба моих минометов тут же приносит результат: немец скрылся, как только первые мины стали падать рядом с машиной. Теперь остается ждать гаубичного огня. А то, что он будет невероятно интенсивным, я знаю наверняка: немцы всегда мстят за потери.

По моему сигналу бойцы расчета успевают убрать орудие. Я же, предупредив по цепочке пе-

ВЫБОР ЧЕСТИ

хоту, бегу к «разутому» танку: мне надо убедиться в правильности догадки. Со мной увязались два минометчика.

Добежать мы успеваем. Открыв башенный люк, я уткнулся в окровавленное тело командира танка. За ним обнаруживается заряжающий со страшно посеченным лицом.

На мертвых всегда тяжело смотреть, а на тела погибших на войне вдвое: человек делает с другим человеком то, что никогда ему не уготовит природа. И все же я близко склонился над противниками, чтобы понять, что стало причиной смерти.

Броня «Шкода» выпускала танки с хрупкой, невязкой броней. И сегодня она выдержала попадание бронебойной болванки, но изнутри ударила веером осколков по ведущим бой членам экипажа. А механик, очевидно, не рискнул остановить машину и открыть огонь из пулемета. Будь он чуть посмелее, и под огнем его «зброевки» мы бы не смогли толком целиться, не сожгли бы второй панцер...

Забрав кормовой пулемет в качестве трофея и бросив пару гранат в открытый люк машины, я с минометчиками устремился к своим окопам. Взрыв панцера подогнал нас, и мы успели спрыгнуть в траншеи, прежде чем земля встала дыбом под ударами тяжелых снарядов немецких гаубиц...

Глава первая

ЖИЗНЬ БЕЗ ВОЙНЫ

Когда сидишь в ненадежном укрытии, которое может завалить землей в любую минуту, когда твое тело сотрясается от чудовищных ударов 150-мм снарядов и ты все ждешь *своей*, каждый ведет себя по-разному. Многие молятся, впервые в своей жизни обращаясь к Господу. Кто-то ругается, некоторые вообще сходят с ума... Есть такие, кто, потеряв счет времени, переживают эти секунды без каких-либо отчетливых мыслей.

Я уже воевал, уже попадал под артиллерийскую подготовку врага. Тогда я молился, потом забывался... Но сегодня перед глазами отчетливо встали картины мирной жизни. Не марсельского детства, а того времени, когда мы с матерью и женой вернулись из Испании...

...В свое время я обещал показать Дунише Париж. Оказавшись во Франции, я сразу выполнил обещание.

В предыдущий раз в столице я был совсем ребенком, когда мы с мамой являлись фактически беженцами. Тогда город оставил в моей памяти лишь смутные, неясные образы чего-то роскошного, но безумно далекого. Оказаться в Париже вновь,

но теперь уже при деньгах, было чем-то вроде мечты, чем-то вроде красивого жеста, с которого стоило начать новую жизнь.

Город поражал, восхищал и просто оглушал размерами, красотой и многолюдством. В первые часы пребывания в нем казалось, что мы попали в какую-то сказку — недаром Париж считается одним из самых красивых (если не самым красивым) городов мира. Количество великолепных дворцов в нем неисчислимо — Елисейский, Луврский, Люксембургский, Бурбонский, Матиньонский, только что построенный Шайо... И каждый из них имеет свою особенную историю и легенды, которые сочно и интересно расскажут экскурсоводы или пожилые парижане, желающие просветить молодых провинциалов.

Но разве только дворцы украшают город? Здание Парижской оперы, Пантеон или Дом инвалидов, собор Парижской Богоматери или базилика Сакре-Кер, разве они не сравнимы с их красотой? А визитная карточка Парижа? Казавшаяся современникам монструозным сооружением, в наши дни Эйфелева башня присутствует на всех фотокарточках города. Парижане считают ее символом, и кажется, что современный вид столицы без нее совершенно невозможен.

Мама бывала здесь ребенком и кое-что запомнила о городе, девушкой же немало прочитала про «столицу любви». Поэтому в первый же день мы отправились на Монмартр. Тяжелый подъем компенсировался потрясающим панорамным видом города. Мама показывала на тот или иной дворец